

РОСТОВСКИЙ ИСТФАК: ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ XX ВЕКА¹

В.С. Савчук

Аннотация. В публикуемых воспоминаниях Вячеслава Сергеевича Савчука содержится разнообразный материал о Ростовском (Южном федеральном) университете и его историческом факультете, где автор проработал 38 лет. Приехавший в незнакомый город, он имел возможность нестереотипно воспринимать своих новых коллег, те события и явления, свидетелем, а иногда и участником которых он был. Как отмечает сам автор, его мемуары, конечно, субъективны, но откровенны и искренны. В.С. Савчук предлагает не «иконописные образы», а живые портреты ростовских историков. Он хотел бы донести до следующих поколений тот образ ростовского истфака, который запечатлелся в его памяти. В публикуемом (втором) фрагменте воспоминаний автор рассказывает о профессорах РГУ А.П. Пронштейне и В.А. Золотове, о своем старшем друге доценте М.А. Люксембурге, о его ученице Л.П. Хоришко, о молодых коллегах – Т.Г. Кузнецовой, И.М. Узнародове и др. В поле зрения мемуариста такие факультетские события, как споры о системе специализации на истфаке, открытие нового отделения и факультетской кафедры истории КПСС. Автор акцентирует внимание на удивительных переменах, произошедших во взглядах многих его коллег в эпоху «перестройки».

Ключевые слова: Ростовский университет, исторический факультет РГУ, профессор А.П. Пронштейн, профессор В.А. Золотов, доцент Л.П. Хоришко, доцент М.А. Люксембург.

Савчук Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, свободный исследователь, г. Ростов-на-Дону, Россия, v.s.savchuk@mail.ru.

¹ Продолжение. Начало см.: «Новое прошлое / The New Past». 2020. № 2. С. 272–293.

ROSTOV HISTORICAL FACULTY: MEMORIES ABOUT 1980s

V.S. Savchuk

Abstract. The published memoirs of Vyacheslav Sergeevich Savchuk contain variety of materials about Rostov (Southern Federal) University and its historical faculty, where the author worked for 38 years. Arriving to an unfamiliar city, he had the opportunity to non-stereotypically perceive his new colleagues and those events and phenomena, which he witnesses, and in which he sometimes participated. As the author himself notes, his memoirs are, of course, subjective, but sincere and honest. V.S. Savchuk offers not idealized but real portraits of Rostov historians. He conveys to the next generations the image of the Rostov historical faculty, which is imprinted in his memory. In the published fragment (second) of the memoirs, the author tells about the professors of the Russian State University A.P. Pronshtein and V.A. Zolotov, about his senior friend associate professor M.A. Luxemburg, about his student L.P. Horishko, about young colleagues – T.G. Kuznetsova, I.M. Uznarodov and others. Memoirist witnessed such faculty events as disputes about the system of specialization at the history faculty, the opening of a new department of the history of the CPSU. The author focuses on the amazing changes that have taken place in the views of many of his colleagues during the era of “perestroika”.

Keywords: Rostov University, history department of Russian State University, professor A.P. Pronshtein, professor V.A. Zolotov, associate professor L.P. Khorishko, associate professor M.A. Luxembourg.

К тому же поколению, как А.В. Лубский, Э.Г. Алавердов и я, принадлежит и Таисия Георгиевна Кузнецова, с которой мы в 1980-е гг. были в приятельских отношениях, но потом, в связи с ее переходом на работу в Таможенную академию, наши пути как-то разошлись, хотя никаких конфликтов у нас никогда не было. Когда я приехал в Ростов, Тая поначалу работала заведующим кабинетом истории, а в середине 1980-х гг. В.А. Золотов взял ее к себе на кафедру на преподавательскую ставку. На Т.Г. Кузнецову нельзя было не обратить внимания: красивая молодая женщина, всегда элегантно одетая и к тому же умеющая поддержать интересный разговор. Видимо, поэтому ее не любили некоторые факультетские «дамы» (например, З.И. Гайдым), не обладавшие подобными достоинствами. Запомнился такой случай. В первый год моей работы в Ростове, когда я еще не получил отдельной комнаты, а жил с двумя аспирантами, один из них (математик Леонид Вовк) праздновал день рождения и пригласил своих друзей. Познакомились. И, узнав, что я историк, один из гостей (будущий профессор-математик Борис Соболев) спрашивает меня: «А у вас на факультете работает Таисия Георгиевна Кузнецова?» Я отвечаю, что работает и что я с ней в добрых отношениях. И Борис начинает с восторгом говорить о том, что Таисия Георгиевна преподавала у них в старших классах, что они поголовно были в нее влюблены, что лучшей учительницы за все десять лет школы у них не было... Второй эпизод связан уже с началом преподавательской работы Таи на кафедре Золотова. По рассказу Э.Г. Алавердова, Владимир Александрович посетил одно из первых семинарских занятий, которые вела Кузнецова, и потом на заседании кафедры оценил его как очень продуманное и прекрасно проведенное.

Несколько лет Т.Г. Кузнецова была полна надежд, говорила мне о том, что в самое ближайшее время защитит кандидатскую, причем тема у нее так удачно выбрана, что из нее вполне может «вырасти» и докторская диссертация... Насколько я знаю, этим планам не суждено было сбыться. Мне кажется, все дело в том, что Тая хотела хорошо жить не через 3–4 года, а сейчас, сегодня – носить модную одежду, ездить домой на такси (она жила тогда в Западном микрорайоне), покупать (большей частью на «книжной толкучке») хорошие книги, принимать гостей. Помню, один раз я был у нее дома на дне рождения: стол «ломился» от яств, хотя купить в те годы многие вкусные вещи было не так уж просто... Вот и приходилось Таисии все время где-то подрабатывать, много заниматься репетиторством. Написание диссертации отодвигалось на второй план...

С Игорем Мироновичем Узнародовым я познакомился уже в первые месяцы работы в РГУ, но подружились мы в самом начале 1990-х гг., когда он был избран деканом факультета на первых (и последних!) свободных выборах. Как мне представляется, Игорь относится к тем людям, кто не живет по принципу «как душа пожелает», а очень тщательно, вплоть до малейших деталей, «выстраивает» свою жизненную траекторию. Вероятно, его научная и административная карьера могла бы быть признана идеальной, если бы не постигшая его неудача, когда он находился на расстоянии одной ступеньки от «трона», то есть от кресла ректора университета. Казалось бы, Игорю проще всего было, подобно А.П. Логунову,

защитить диссертацию по истории КПСС, учитывая, что отец Узнародова заведовал подобной кафедрой в одном из вузов Ростова. Но он избрал более трудный, но и более верный путь, написав и блестяще защитив (об этом мне говорили в Ленинградском университете, где я чуть позже тоже защищал аналогичную работу) кандидатскую диссертацию по новой истории Британии. Но на этом его успехи не закончились: в конце 1980-х гг. несомненной сенсацией стала годичная стажировка И.М. Узнародова в Англии, которая позволила ему собрать материалы для будущей докторской диссертации. Игорь в 1980-е гг. избирался секретарем партийного бюро факультета, но тогда все считали его «либеральным» коммунистом. Он был приятным собеседником, и еще ничто не предвещало его поведенческую «трансформацию», которая стала столь очевидной через 20 лет...

Прежде чем я перейду к воспоминаниям о своих друзьях старшего поколения и о своих коллегах по кафедре, хочу несколько слов сказать о двух профессорах факультета, пользовавшихся исключительным авторитетом в 1980-е гг. Это — Александр Павлович Пронштейн и Владимир Александрович Золотов. Замечу, что из всех историков РГУ мне до приезда в Ростов было знакомо лишь имя А.П. Пронштейна и его известный труд о методике исторического исследования. Со студенческих лет Александр Павлович был приятелем моего преподавателя по Воронежскому университету, известного антиковеда и писателя Александра Иосифовича Немировского⁽¹⁾. Я уже несколько месяцев работал в РГУ и поехал в Москву, чтобы позаниматься в Библиотеке им. В.И. Ленина. Помню, встречаю на широкой лестнице «Ленинки» Немировского, который ко мне дружески относился. Рассказываю о том, что переехал на работу в Ростов. Реакция Александра Иосифовича: «Слава, там работает Александр Павлович Пронштейн, мой давний друг, замечательный человек и ученый. Передавайте ему от меня сердечный привет»: И после небольшой паузы: «Только имейте в виду: он очень осторожен» (последнее слово было иным, но я смягчаю высказывание Немировского). То, что это суждение было справедливым, подтверждают и мои наблюдения, и рассказы коллег. Так, М.А. Люксембург, вспоминая о страшных годах борьбы с «безродными космополитами», поведал мне о такой ситуации. После защиты кандидатской диссертации одним из общих друзей (сейчас я забыл, шла речь о К.А. Хмелевском или Ю.И. Сером) у него на квартире собрались коллеги, чтобы это важное событие отпраздновать. Позже других пришел А.П. Пронштейн. Обвел собравшихся глазами и, не став даже раздеваться, поздравил диссертанта и ушел, тихо сказав: «Здесь только один русский, остальные — евреи. Нас могут обвинить в создании сионистской группы...» Никакие уговоры не помогли... Такова, увы, была психологическая ситуация на рубеже 1940-х–1950-х гг. Пройдет почти сорок лет, и в конце 1980-х гг., когда я, наивный и полный надежд, часто выступал на заседаниях Совета факультета и методологических семинарах, случится такой эпизод. Выходим мы после заседания из 420 ауд. главного корпуса (ул. Большая Садовая, 105), Александр Павлович берет меня за локоток и говорит: «Вячеслав Сергеевич, я к Вам очень хорошо отношусь, но зачем Вы так откровенно выступаете? Ведь *всё это* (то есть либерализация — В.С.) скоро закончится, и *они* (ретрограды? — В.С.) Вам все припомнят...».

Но, конечно, главным в личности А.П. Пронштейна была преданность науке. Это восхищало, но одновременно и как-то смущало. Со многими представителями старшего поколения (с Кнышенко, Люксембургом, Серым, Акимкиной и др.) я мог с удовольствием «о том, о сем» просто «поболтать». Но не с Александром Павловичем: казалось, как-то неудобно отвлекать человека, всецело поглощенного наукой, посторонними разговорами. Только, как это ни странно, на демонстрациях (майской и октябрьской) мы иногда подолгу беседовали. Запомнился его совет: «Знаете, Вячеслав Сергеевич, если ежедневно писать хотя бы немного – ну, скажем, я пишу 1–2 стр. текста, то каждый год можно публиковать по монографии. Но делать это надо регулярно». Мудрый совет, но я, увы, ему не следовал...

Принципиальность А.П. Пронштейна в научных вопросах сочеталась с удивительной уступчивостью в повседневных делах. Поэтому многие, конечно, шутя (но, как известно, в каждой шутке немало правды), говорили, что кафедрой реально руководит уже упоминавшаяся мною Зоя Ивановна Гайдим (на протяжении нескольких десятилетий бессменный лаборант кафедры). Она могла прикрикнуть не только на молодых преподавателей, но, говорят, сделать замечание и самому Александру Павловичу, если он к положенному сроку не сообщит график приема задолженностей или расписание консультаций. Нежеланием Пронштейна из-за будничных вопросов обострять с кем-то отношения иногда пользовались некоторые его коллеги, чтобы удовлетворить собственные амбиции или прихоти. Мне известен, например, такой случай. На рубеже 1980-х–1990-х гг. училась у нас на факультете одна студентка, многим интересовавшаяся, отлично сдавшая несколько экзаменов, но дважды «провалившая» экзамен Тоценко. Говорили, что у этой студентки есть неисправимый, в глазах Лидии Тимофеевны, порок – красота. И вот назначили комиссию. Кто-то из трех ее членов не пришел. Экзамен принимали Пронштейн и Тоценко. Как позже рассказывал сам Александр Павлович, первый, более трудный, вопрос студентка ответила, если не на «5», то на очень твердую «четверку». И тут Александра Павловича позвали к телефону (тогда ведь еще не было мобильных). «Прихожу через несколько минут и с удивлением вижу, что Лидия Тимофеевна уже закончила экзамен (хотя обычно принимает долго) и выставила в ведомость “удовлетворительно”. Мне показалось это явно необъективным, но при студентке я не мог поставить под сомнение оценку Лидии Тимофеевны», – завершил Александр Павлович рассказ об этом эпизоде.

Кстати, замечу, что совершенно неожиданно для меня с середины 1980-х гг. я дружески общался с близкими Александру Павловичу людьми. Как-то в книжном магазине, который находился рядом с памятником Пушкину, ко мне подошел мужчина лет 45 и сказал, что слышал обо мне как о собирателе книг и хотел бы общаться со мной. При этом он почему-то сослался (как на общего знакомого) на М.А. Люксембурга. Это был Владимир Павлович Биргер, блестящий знаток английского языка, муж дочери Пронштейна – Елены Александровны Покровской, позже ставшей профессором-филологом.

Через В.П. Биргера я познакомился с ростовскими поэтами Даниилом Долинским⁽²⁾ и Леонидом Григорьяном⁽³⁾, а однажды, когда меня с женой пригласили Лена

и Володя в гости, мы познакомились с дядей Елены Покровской и Николая Мининкова — историком Н.Н. Покровским⁽⁴⁾. Тогда я, увы, не в полной мере понимал, какой это замечательный человек (он был осужден по политическому обвинению уже в «хрущевский» период) и какой крупный ученый (позже он стал академиком РАН), и не придавал этой встрече особого значения. Таким образом, получилось, что с сыном Александра Павловича — Николаем Александровичем Мининковым — я близко познакомился позже, чем с его сестрой.

Владимир Александрович Золотов, как известно, в течение 20 лет (с 1956 по 1976 гг.) был деканом — сначала историко-филологического, а после разделения — исторического факультета и получил за эту работу, что крайне редко бывало, орден Ленина. В первый год моей жизни в Ростове меня всегда удивляло, что каждый (от Бакулиной до Алавердова), кто мне рассказывал о факультете, считал своим долгом упомянуть, «какой замечательный у нас раньше был декан». Я с Золотовым общался совсем мало, но интуитивно чувствовал его доброе ко мне отношение. Помню, в частности, как тепло он меня поздравил в апреле 1984 г., когда я вернулся из Ленинграда после защиты кандидатской диссертации. Может быть, какую-то роль играло то обстоятельство, что мой научный руководитель А.Е. Москаленко, в середине 1960-х гг. бывший деканом воронежского истфака, способствовал, по его рассказам, тому, что внешний отзыв на докторскую диссертацию В.А. Золотова был вполне благоприятным. Владимир Александрович пользовался исключительным нравственным авторитетом на факультете. Когда он в 1992 г. уйдет из жизни, то при прощании с ним А.П. Пронштейн справедливо скажет, что Золотов «был совестью нашего коллектива». От себя замечу, что ни Владимир Александрович, ни Александр Павлович за все годы моей с ними совместной работы ни разу (ни во время сессий, ни в ходе вступительных экзаменов) ни за одного человека не прощали, чем грешили очень и очень многие коллеги...

Но в некотором смысле Золотов был совсем другим человеком, чем Пронштейн. Приходится констатировать, что Владимир Александрович на многие проблемы — и конкретно-исторические, и методологические — смотрел догматически и не хотел принимать никакие новые «веяния». Помню, мне предложил Ю.И. Серый (он был тогда руководителем ежемесячного методологического семинара) выступить с докладом, и я избрал тему «Современная западногерманская буржуазная историография». Я по этой теме прочитал немало литературы, в том числе и некоторые работы ученых ФРГ. Доклад прошел хорошо, но выступивший в ходе дискуссии В.А. Золотов, похвалив меня за эрудицию, заметил, что основной вывод (о том, что в историографии ФРГ все более влиятельным становится либеральное направление, а откровенно консервативные историки теряют свои позиции) вряд ли обоснован. И привел цитату из В.И. Ленина (как последний довод!), что в эпоху империализма идеологи буржуазии занимают все более реакционные позиции...

Абсолютная «советскость» Владимира Александровича проявлялась и в незначительных, на первый взгляд, эпизодах. Сегодня кажется просто абсурдным то обстоятельство, что в 1970-е–1980-е гг. на праздничные дни в учреждениях полагалось все

пишущие машинки опечатать, сосредоточить в одном помещении, где должен был кто-либо из сотрудников постоянно дежурить. Я как-то в начале 1980-х гг. в предпраздничный день задержался, печатая на машинке кафедры свою работу. В.А. Золотов (наши кафедры были рядом) меня вежливо поторопил. Я в ответ, рассчитывая на такую же шутивную реакцию, иронически заметил, что история полабских славян для вражеских агентов не представляет интереса. И вдруг слышу слова Золотова, сказанные в назидательном тоне: «Вы, Вячеслав Сергеевич, неправы: именно в праздничные дни могут быть провокации, поэтому надо все предусмотреть...».

А вот другой эпизод, о котором мне поведал Юрий Ефимович Журавлев, писавший в студенческие годы дипломную работу у Золотова. В первой половине 1980-х гг. Журавлева избрали секретарем партбюро факультета. «Представляете, Вячеслав Сергеевич, – рассказывал мне он, – выходим мы из аудитории, где заседали, и вдруг Владимир Александрович уступает мне дорогу и совершенно серьезно говорит: “Проходите, Юрий Ефимович, ведь Вы теперь наш партийный лидер!”. Мне было очень неудобно...».

Или вот такой неприятный «казус». В середине 1980-х гг. был у нас один студент (не буду называть его фамилии), который вел себя действительно вызывающе. Но студент неглупый и достаточно начитанный. Видимо, он позволял себе и какие-то некорректные высказывания политического характера. Наступила зимняя экзаменационная сессия. Меня позвал для разговора Николай Иванович Хорошевский, который тогда являлся зам. декана по учебной работе, и сказал, что есть просьба (не только деканата, но и «органов») – поставить этому студенту неудовлетворительную оценку, чтоб можно было на вполне «законных» основаниях исключить его из университета. Я говорю Н.И.: «Как же я поставлю, если он будет вполне прилично отвечать?» И слышу поучение: «Любой преподаватель может задать студенту такие вопросы, что он не ответит!» Наступил день экзамена, и этот студент действительно отвечал явно не на «двойку». Я ему поставил положительную оценку. Проходит несколько дней. Николай Иванович встречает меня и, явно недовольный, говорит: «Что же Вы *нашу* просьбу не выполнили! Владимир Александрович и то пошел *нам* навстречу». И тогда, и теперь я думаю: как же все уживается в одном человеке! В.А. Золотов, кристально чистый во многих отношениях, считал нужным незаслуженно поставить «двойку» студенту, раз этого потребовали всем нам известные *инстанции*...

«Перестройку» Золотов не принял и продолжал читать лекции по истории СССР XIX–начала XX в. по-прежнему, словно никаких изменений в исторической науке не произошло. Дело дошло до того, что, как рассказывал мне Владимир Евгеньевич Максименко, занимавший тогда должность декана, группа студентов пришла в деканат с просьбой заменить Золотова другим лектором. Конечно, декан им объяснил, что этого делать ни в коем случае нельзя, что Владимир Александрович очень уважаемый человек, что у каждого ученого могут быть свои суждения... Но факт, несомненно, знаменательный. Ведь многие годы В.А. Золотов был для студентов нескольких поколений не только авторитетным преподавателем, но и любимым руководителем, «отцом» факультета. Его так и называли – «папа Золотов»...

Скончавшийся в январе 1992 г., Владимир Александрович был свидетелем лишь первого этапа трансформации той кафедры, которую он возглавлял около двадцати лет. Изменение направлений научно-исследовательской работы кафедры всегда соответствовало социально-политическим реалиям: экономическая история, проблемы истории рабочего класса и рабочего движения – в советскую эпоху; затем, на рубеже 1990-х гг. – поворот к исследованию либерализма, земского движения; наконец, в начале XXI в. – исследование консерватизма. Что же дальше? Я порой думаю о том, как справедливо оценить подобную эволюцию: ведь можно сделать аргументированный вывод о том, что кафедра всегда своевременно откликнулась на запросы общества, а можно цинично заметить, что это просто необходимая (и выгодная при этом!) конъюнктура... Однозначного ответа, признаюсь, у меня нет...

Первый год работы в Ростове запомнился мне и месячной командировкой в ст-цу Багаевскую, где на консервном заводе отрабатывали свой «третий трудовой семестр» студенты нашего университета. Здесь я имел возможность ближе наблюдать образ жизни и повседневное поведение студентов, чего на лекциях и семинарах иногда и не заметишь. Например, бросилось в глаза, что девушки открыто курили (подобно московским и ленинградским студенткам), а это не было принято в Калужском пединституте. Общее руководство «отрядом университета» осуществлял Константин Николаевич Сенянинов, с которым у меня сложились товарищеские отношения, но который даже почти в официальной обстановке позволял, что меня удивило, «непарламентские» выражения (позже, в 1990-е гг., его карьера вне университета имела как взлеты, так и драматические падения...). За несколько дней до моего приезда в Багаевскую уже прибыл Николай Семенович Коршиков, в те годы еще не преподаватель, а лаборант кафедры истории СССР досоветского периода. Меня поразило то, что в считанные дни он познакомился со всеми нужными, в бытовом и хозяйственном отношении, людьми. Объяснял мне, у кого можно попросить тазик, у кого – кофейник, где следует покупать фрукты и овощи, что можно получить бесплатно и т.д. Сразу обнаружилась его увлеченность донской историей. Помню, как он мне однажды совершенно серьезно сказал: «В истории России после Москвы и Петербурга самый важный регион – Дон!» Николай Семенович подчеркнуто вел себя как «человек из народа». Когда через несколько лет он стал преподавателем, я не мог представить, как он ведет занятия: ведь в обычных разговорах он не мог произнести ни одной фразы без «ненормативной» лексики! С Коршиковым меня сближало то, что мы оба не были членами КПСС и откровенно негативно относились ко всем, кто стремился сделать партийную карьеру. Но, если можно так сказать, положительный идеал общественного устройства у нас был едва ли не прямо противоположный. Либерализма западного образца Николай Семенович не терпел, как и любимые им герои донской казачьей истории. Запомнился эпизод, случившийся в конце августа 1991 г., вскоре после подавления т.н. «путча» в Москве. Иду я по ул. Пушкинской и встречаю Коршикова. Поздоровались. И первое, что он мне говорит: «Эх, как жаль, что эти мудаки (то есть путчисты – В.С.) не продержались хотя бы дней десять...». Я искренне удивлен, ибо знаю его политические взгляды. Он понимает мое удивление и объясняет:

«Да ты представь: все наши университетские "перестройщики" побежали бы в парткомы-райкомы каяться и божиться, что они верные ленинцы!!! А за два-три дня не успели...» Думаю, что в этой едкой иронии Николая Семеновича было много справедливого.

В начале 1980-х гг. важным вопросом, неоднократно обсуждавшимся на Совете факультета, было введение т.н. сквозных спецсеминаров. Людмила Павловна Хоришко, одна из запоминающихся фигур истфака того времени, даже ездила в Ленинградский университет для изучения, как тогда говорили, «передового опыта». Декан А.И. Козлов эту идею поддержал, хотя, помню, некоторые авторитетные коллеги (например, М.А. Люксембург) были противниками. Суть в том, чтобы студенты, избравшие с третьего курса специализацию по определенной кафедре, вплоть до окончания обучения занимались в одном (а не нескольких) спецсеминаре, возглавляемом руководителем их будущей дипломной работы. Это новшество имело определенные «плюсы» (углубленный анализ одной проблематики на протяжении трех лет, использование опыта старшекурсников и пр.), но и очевидные «минусы» (студентам пятого курса были не интересны «сырые» доклады третьекурсников и т.п.). Через несколько лет от идеи «сквозных» спецсеминаров отказались.

Раз уж я упомянул о Л.П. Хоришко, надо сказать о ней несколько слов. В 1980-е гг. существовала целая факультетская «мифология», связанная с Людмилой Павловной. Например, многие студенты повторяли фразу: «Если сдашь Хоришко новейшую историю, считай, что диплом уже в кармане!». Действительно, я знаю двух увлеченных историей людей, которые в свое время не получили диплома об окончании РГУ, так как не могли сдать экзамен Хоришко... А от двух старших коллег я слышал легендарную историю о том, как Людмила Павловна, будучи секретарем факультетского партбюро, пришла на комсомольское собрание студенческой группы, в которой учился будущий доцент Геннадий Юрьевич Магаков (в то время — отличный студент и староста курса). Она предложила дать Магакову рекомендацию в партию. Но у членов группы были свои «счеты» с Магаковым (согласно другой легенде, он нещадно отмечал в журнале всех отсутствующих, но, как все «принципальные» люди, делал исключение для своего друга — Сергея Гуркина, впоследствии тоже доцента РГУ), и студенты отказались давать рекомендацию. Тогда Людмила Павловна закрыла изнутри на ключ дверь аудитории, заявив, что «домой не пойдете, пока не дадите рекомендацию!». Через два или три часа комсомольская группа, изнуренная после трех «пар» и длительного собрания, проголосовала за рекомендацию в партию Геннадию Магакову.

Сам я в начале 1990-х гг. слышал от двух наших выпускников едва ли не противоположные суждения о Людмиле Павловне. Помню, случайно встретился с одной своей дипломницей и едва ли не первый ее вопрос: «Как там Людмила Павловна, работает? Какие у нее занятия были! Я до сих пор все конспекты храню. Это — человек с большой буквы!». И примерно в то же время другая выпускница иронично меня спрашивала: «Ну что, Хоришко все еще работает? Сколько она нам крови попортила со своими коммунистами и социалистами! А теперь выяснилось, что все это — полная чушь...».

Не вызывает сомнения лишь очевидный факт: к Людмиле Павловне нельзя было относиться нейтрально. Вот и ее научный руководитель М.А. Люксембург, столь много сделавший для ее становления как исследователя и педагога, к концу 1970-х гг. прервал с ней (или она с ним?) всякие отношения... Ко мне Людмила Павловна всегда относилась доброжелательно. Кстати, она была единственной из моих ростовских коллег, кто был знаком с моей мамой. Как-то летом я вместе с мамой и ее внучкой, моей племянницей, были в Москве и неожиданно в центре встретили идущую с мужем Л.П. Хоришко. Я их представил друг другу, и был в течение нескольких минут дружеский разговор. Маме она понравилась своей приветливостью.

Однажды, то ли в 1980, то ли в 1981 г., Людмила Павловна пригласила меня побывать на семинарских занятиях по новейшей истории, которые она проводила на четвертом курсе. Это был для меня поучительный опыт. Лучше подготовленной (чтобы не сказать – «вымуштрованной») группы я за полвека не встречал. Каждому студенту давалось, кажется, пять минут для ответа, который должен был быть ясным и завершаться вполне определенным выводом. Потом, правда, я не один раз думал, надо ли так проводить семинары? Да, материал усваивается. Но наука «выпрямляется». Не остается места для нерешенных вопросов, для дискуссий, для, если можно так сказать, «игры воображения». Но семинар дал мне очень хорошее представление и о взглядах Людмилы Павловны на преподавание истории, и об особенностях ее характера...

Л.П. Хоришко любила устраивать судьбы тех студентов, к которым была расположена и которых она как бы «курировала» в течение нескольких лет. Правда, не всегда, насколько я знаю, ожидания этих студентов оправдывались, поскольку ее возможности были не столь уж велики... Огромное внимание Людмила Павловна уделяла воспитанию и образованию своего сына и заслуженно гордилась, когда он поступил в Московский институт международных отношений, для чего даже в конце советской эпохи требовалась рекомендация Обкома КПСС. В 1990-е гг. Л.П. Хоришко, как и еще несколько моих коллег, покинула университет и стала работать в Ростовской таможенной академии, где в то время материальные условия были гораздо благоприятнее. Мне всегда вспоминается известный афоризм «*Sic transit gloria mundi*», когда я из разговоров с молодыми преподавателями понимаю, что они слабо себе представляют, кто такая Людмила Павловна Хоришко...

Важнейшей проблемой истфака в середине 1980-х гг., как тогда многим представлялось, являлась организация отделения и факультетской кафедры истории КПСС. Обсуждение этой проблемы началось еще при декане А.И. Козлове, но функционировать кафедра начала уже тогда, когда деканом стал Владимир Николаевич Шевелев. Глубокая ирония, которую История преподносит якобы «осведомленным» людям, заключалась в том, что специализированное отделение создали всего лишь за 5–6 лет до того, как было покончено с монополией КПСС, а бывшие историки партии некоторое время не знали «в какие одежды рядиться»... Но в 1983–1985 гг. работники кафедры истории КПСС еще были уверены в своем превосходстве! Запомнился эпизод: открываю я дверь нашей кафедры истории древнего мира и

средних веков, а в коридоре напротив беседуют несколько сотрудниц тогда еще общеуниверситетской кафедры истории КПСС. И я слышу полные иронии слова Любови Ивановны Лакизо: «До чего уже доделили кафедры! Даже древнего мира и средних веков организовали, а кафедры истории партии до сих пор на факультете нет...». Действительно, какая «мелочь» тысячелетняя история Древности и Средневековья, если сравнить ее со славной 80-летней историей ленинской партии! Кстати, знаменательный штрих: Л.И. Лакизо умела идти «в ногу с веком» и в начале 1990-х гг. стала читать спецкурс о диссидентском движении в СССР... Помню бурные обсуждения на заседаниях Совета факультета различных вопросов, связанных с организацией нового отделения, выступления А.И. Козлова, Э.Д. Осколковой, С.М. Смагиной и др. Споры порой были очень горячими и даже резкими, но в конце обсуждения все ждут, что скажет декан. Председательствующий В.Н. Шевелев встает и спокойным голосом говорит: «Товарищи, первый вопрос повестки дня обсудили... Переходим ко второму...». Не любил и не хотел Владимир Николаевич активно отстаивать ту или иную точку зрения... Заведующей факультетской кафедрой истории КПСС и соответственно руководителем нового отделения стала Эмма Дмитриевна Осколкова. Я никогда с ней близко не общался, но многократно слышал ее доклады и выступления. В области т.н. «историко-партийной» науки она была знающим человеком. Мне нравилась ее манера общения с коллегами и, что особенно запомнилось, ее позиция на рубеже 1980–1990-х гг. Она не отторгала новых тенденций в исторической науке, но и не стремилась резко «перестроиться». Когда я разговаривал с ней, то всегда ощущал, что беседую с человеком, для кого собственные убеждения и чувство собственного достоинства — не пустой звук... Что касается других сотрудников кафедры истории КПСС, то в конце 1980-х гг. было очень забавно наблюдать их стремительное «прозрение». Вспомнился такой случай. Как-то перед заседанием Совета факультета я купил очередной номер «Московских новостей», редактируемых тогда Егором Яковлевым⁽⁵⁾ и являвшихся в ту пору наиболее либеральным изданием. Открываю — и вижу там большую статью о Зиновьеве и Каменеве, где они уже именуются ближайшими соратниками Ленина. Рядом со мной сел доцент Павел Васильевич Магер, в течение ряда лет читавший, по мнению студентов, невыносимо трудный спецкурс «История Устава КПСС». Показываю ему статью и говорю: «Наверно, скоро и их реабилитируют?». В ответ Магер проникновенным голосом говорит мне: «В своей душе мы их давно реабилитировали...». Помню, меня тогда поразили даже не сказанные слова, а поразительная интонация. Словно Павел Васильевич давно об этом мечтал...

Пора, однако, рассказать о тех людях старшего поколения, с которыми меня связывали по-настоящему дружеские отношения, — о Михаиле Абрамовиче Люксембурге и Юрии Венедиктовиче Кнышенко. Прошло, наверно, полтора-два месяца с начала моей работы в Ростове, как на пороге крошечной комнаты, где размещалась наша кафедра, я увидел пожилого мужчину, а присутствовавший Геннадий Магаков (тогда еще лаборант кафедры) представил нас друг другу. До этого, очевидно, не только я слышал о Люксембурге, но и он знал о взятом на факультет новом преподавателе. Завязался разговор. Я рассказал, где учился и работал, какова тема

моей предполагаемой диссертации. «Люкс» неожиданно для меня заметил: «Мне нравится, как Вы говорите...». Я осмелел и сказал: «Слышал, Михаил Абрамович, что Вы – любитель книг. Я тоже собираю библиотеку». Михаил Абрамович сразу заинтересовался и спросил меня, что у меня есть из редких книг. Кажется, я назвал дореволюционные собрания Оскара Уайльда, Кнута Гамсуна и Леонида Андреева, сказал, что есть отдельные тома «вольфовского» собрания Д.С. Мережковского. С тех пор Люксембург, если видел меня на факультете, всегда останавливался для разговора. А в конце августа 1980 г., когда я возвращался из отпуска после поездки к родным в Калугу и Москву, мы с Михаилом Абрамовичем случайно столкнулись на Курском вокзале. Оказалось, что мы едем в одном поезде, только в разных вагонах. Михаил Абрамович пригласил меня зайти к ним в купе (он ехал с женой); на следующий день я был представлен его жене Ирине Адольфовне Долматовской (кстати сказать, двоюродной сестре известного поэта Е.А. Долматовского), и мы приятно час-другой общались. После этой поездки меня стали приглашать в гости.

Как-то раз осенью 1980 г., когда я уже жил в отдельной комнате в общежитии РГУ на ул. Р. Зорге и перевез из Калуги свои вещи, Михаил Абрамович захотел посмотреть мою «обитель» (у него, как у инвалида войны, была машина). Когда мы вошли в здание, то в вестибюле встретили историка Ю.А. Болдырева и еще кого-то из университетских преподавателей. Все, очень удивленные, стали приглашать Михаила Абрамовича зайти, но он несколько резко оборвал приглашения: «Я приехал к Славе – и ненадолго!». Думаю, что Люксембург хотел убедиться в реальном существовании той библиотеки, о которой я ему говорил. Вообще он в первые год-два нашего общения неоднократно проверял мою эрудицию. Помню, как-то заговорили о стихах, о любимых поэтах. Я называю Тютчева, А.К. Толстого, Фета, Блока, Ахматову, Заболоцкого... И вдруг Михаил Абрамович цитирует:

*«Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок...
Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень...».*

«Чьи стихи, Слава?». Я на секунду задумался, но все же сообразил, что это «Русские женщины» Некрасова. Экзамен был выдержан. Кстати, через некоторое время, когда я стал приходить в гости со своей женой Галей, Люксембург, узнав из моих слов, что она любит и понимает (в отличие от меня) классическую музыку, иногда устраивал и ей своеобразные музыкальные «проверки». Видимо, он полагал, что право дружить с его семьей имеют только люди с хорошей эрудицией в различных сферах культуры.

М.А. Люксембургу мы с женой глубоко благодарны за то, что он во многом способствовал решению нашего жилищного вопроса. Весной 1983 г. заселялся университетский дом в Западном микрорайоне, где должен был получить квартиру сын Люксембурга – Саша. Мы об этом знали, поскольку несколько наших соседей по общежитию на ул. Р. Зорге тоже получали там кооперативную квартиру. И вот как-то

вахтер общежития зовет меня к телефону. Звонит Михаил Абрамович: «Слава, Саша ведь через месяц переезжает в свою квартиру. Освобождается комната в коммунальной квартире на ул. Пушкинской. Комната хорошая, около 20 м². Почему бы не попробовать Вам ее получить?». Я поблагодарил за заботу, но выразил серьезные сомнения, что этот план удастся. «Слава, завтра я поговорю с Сашей Козловым, пусть он пойдет к первому проректору, а тот напишет ходатайство от РГУ». То, что казалось невероятным, осуществилось! Не только Михаил Абрамович, но на разных этапах «борьбы за комнату» мне помогли и А.И. Козлов, и Ю.В. Кнышенко (Юрий Венедиктович не только ходил со мной на прием в райисполком, но и ездил в Москву на прием в отдел вузов и техникумов Совмина РСФСР!). Но саму, для нас поистине гениальную, идею получить освобождающуюся комнату высказал М.А. Люксембург!

Вспоминая Михаила Абрамовича, я с удивлением констатирую, что, проработав вместе с ним около семи лет, будучи десятки раз у него в гостях (а с 1983 г., когда мы получили комнату в коммунальной квартире на ул. Пушкинской, и он с женой очень часто к нам заезжал), постоянно общаясь с ним в университетских коридорах, я ни разу не слышал его лекции или научного доклада. Но слава о его ораторском даре, о его блестящих лекциях была известна всем: я не знаю ни одного человека, кто бы ни восторгался лекциями М.А. Люксембурга. Надо сказать, что на факультете в ту пору было немало хороших лекторов и среди преподавателей старшего поколения (Ю.В. Кнышенко, Н.А. Акимкина), и среди более молодых, но уже достаточно опытных (например, В.Я. Кияшко). Но, подобно тому, как А.П. Пронштейн являлся несомненной «звездой № 1» в сфере научных достижений, так М.А. Люксембург считался недосягаемым идеалом в области лекционного мастерства. Михаил Абрамович это прекрасно знал, и подобное признание со стороны его слушателей разных поколений и разной степени эрудиции позволяло в какой-то мере удовлетворить его немалые амбиции.

В научном же отношении достижения Люксембурга оказались гораздо скромнее и, как я полагаю, это можно объяснить разными причинами. Лучшие годы молодости пришлось на военное время, причем на фронте Михаил Абрамович был тяжело ранен. Потом началась эпоха «позднего сталинизма», когда он едва не был исключен из партии и с трудом сумел удержаться на преподавательской работе в вузе. Кстати, Михаил Абрамович рассказывал мне любопытный эпизод. В середине 1950-х гг. он поехал в Москву, чтобы добиваться в КПК при ЦК КПСС⁽⁶⁾ снятия строгого партийного выговора. А там ожидали своей участи преимущественно люди, не только исключенные из партии, но и отсидевшие по 10–15 лет в Сибири или на Колыме. Когда один из них, разговорившись с Михаилом Абрамовичем, узнал, что Люксембург приехал всего лишь ради снятия партийного взыскания, он выбежал на середину того помещения, где все ожидали приема, и с хохотом громко сказал, указывая на Михаила Абрамовича: «Вы посмотрите на этого человека! Он ни дня не сидел! Получил лишь “строгача”. И хочет еще доказывать что-то!».

Все эти обстоятельства привели к тому, что Люксембург относительно поздно (в 37 лет) защитил кандидатскую диссертацию, причем избрал (думаю, из

прагматических соображений) тему о борьбе за партию нового типа во Франции в начале 20-х гг. XX в. Полагаю, что диссертация была добротная, и что Михаил Абрамович заслуженно был признан специалистами по Новой и Новейшей истории Франции. Впоследствии Люксембург очень гордился, что в трехтомной «Истории Франции», вышедшей и на русском, и на французском языке, были и им написанные разделы. И все же, я думаю, проблемы «левого» движения во Франции не увлекали по-настоящему Михаила Абрамовича. А он любил делать то, что ему нравилось. И это, на мой взгляд, вторая причина, почему он не написал солидного труда по французской истории. Ведь стремление к гедонистическому образу жизни было очень характерно для Люксембурга, и оно мне было гораздо ближе, чем ригористический образ жизни А.П. Пронштейна! Если я приходил к Михаилу Абрамовичу не в праздничный день, то обычно он встречал меня полулежа на диване в окружении недавно купленных книг, большей частью новых переводов западных авторов. Преобладала художественная литература. К выходящим монографиям, а особенно – сборникам статей по новой и новейшей истории Люксембург относился весьма скептически, выделяя среди них лишь исследования нескольких ученых, в частности – А.З. Манфреда⁽⁷⁾.

Насколько я могу судить по нашим с ним беседам, в лекциях Михаил Абрамович не акцентировал внимания на историографических и тем более – теоретических аспектах истории, а стремился воссоздать прошлое во всем его многообразии и противоречивости, давая яркие картины ушедшей жизни и запоминающиеся портреты исторических персонажей. Это, с одной стороны, соответствовало его пониманию исторической науки (скорее, в духе позитивизма), а, с другой стороны, надежно защищало от возможных наветов политического характера. Помню, в начале 1980-х гг. я ездил на ФПК в Ленинградский университет, где слушал лекции ведущих профессоров, в том числе В.Г. Ревуненкова⁽⁸⁾, научного оппонента А.З. Манфреда. По возвращении, рассказывая Михаилу Абрамовичу о лекции Ревуненкова, я его спросил, как он в своих лекциях характеризует их научные споры. Ответ Люксембурга меня удивил: «Зачем мне надо об этом говорить? В нашей науке утвердилась концепция Манфреда о яacobинской диктатуре, я ее и излагаю».

Часто думая о Михаиле Абрамовиче, как и о некоторых других коллегах старшего поколения (например, о Нине Алексеевне Акимкиной), чья молодость пришлось на страшный период конца 1930-х – начала 1950-х гг., я предполагаю, как сложно им было жить «двойной жизнью». Вероятно, приходилось «правильно» голосовать на партийных собраниях, а в узком кругу возмущаться все новыми и новыми «безумными» партийными решениями; приходилось, дабы обезопасить себя, выбирать темы для диссертаций о социалистическом и коммунистическом движении на Западе и явно преувеличивать роль «левых» сил; необходимо было критиковать «буржуазную» историографию, прекрасно понимая, что среди ее представителей есть замечательные ученые...

Вспомнил сейчас еще один разговор с М.А. Люксембургом. Когда мы с ним подружились, то обсуждали самые разные темы. Он любил шутку, а особенно – иронию,

часто доходившую до сарказма. Как-то в 1982 г., когда я готовил свою кандидатскую диссертацию к обсуждению в Ленинградском университете и мне нужно было сделать в тексте сноски на иностранных языках (у Люксембурга была пишущая машинка с латинским шрифтом), мы в его квартире беседовали о том, что «хочешь — не хочешь», а надо во введении и историографическом разделе хотя бы несколько раз процитировать «основоположников марксизма». Михаил Абрамович высказался в том духе, что положение медиевистов в этом отношении все же вольготнее, чем многих историков. И поведал мне шутку, которую я запомнил на всю жизнь. «Знаете, Слава, в нашей стране вся историческая наука, несомненно, в той или иной мере prostituiрована. Но очевидно и то, что степень продажности специалистов в разных областях истории очень отличается. Античники, медиевисты или археологи вынуждены — к месту или не к месту! — 2–3 раза сослаться на суждения Маркса, Энгельса или Ленина, а в остальном их работы могут быть вполне добротными. Я бы сравнил их с образованными и имеющими респектабельный вид куртизанками. Мы, новисты-западники, как и специалисты по русской истории XVIII–XIX вв., в большей мере зависимы от высказываний “классиков” и идеологических догм и поэтому чаще грешим против истины. Поэтому нас можно, пожалуй, сравнить с содержанками, в течение жизни несколько раз меняющими своих покровителей. Ну, а что касается большинства историков советского общества и особенно историков партии, то они, простите за грубость, напоминают привокзальных шлюх, готовых отдаться каждому новому встречному...».

Подобные суждения не мешали Михаилу Абрамовичу посоветовать одному из лучших своих дипломников, которому он не смог «выбить» место в аспирантуру по новой истории, идти на кафедру истории КПСС. Люксембург был в добрых отношениях и с рано ушедшим из жизни Николаем Присяжным, часто помогавшим Михаилу Абрамовичу в различных житейских вопросах и защитившим кандидатскую диссертацию по истории КПСС. Добрые отношения связывали Люксембурга с Александром Ивановичем Козловым, о котором я уже немало говорил. Наконец, не могу не вспомнить о дружбе Михаила Абрамовича с Яковом Абрамовичем Переховым, возглавлявшим некоторое время профсоюзную организацию РГУ, а с 1982 г. — общеуниверситетскую кафедру истории КПСС. С Яковом Абрамовичем и его женой я часто встречался в квартире Люксембурга: даже после его кончины Ирина Адольфовна неоднократно приглашала нас (с женами), а также обычно бывал и сын Михаила Абрамовича Саша (Александр Михайлович) с женой. В дружеской компании Яков Абрамович был приятным и веселым собеседником, неистощимым рассказчиком случаев из университетской жизни и просто анекдотов. Восторженное отношение к Михаилу Абрамовичу Перехов перенес и на его сына, человека, безусловно, талантливого, но наделенного, прямо скажу, нелегким характером... Присущую и его отцу любовь к иронии Саша доводил порой до крайних пределов, и многие известные в университете люди выглядели в его рассказах нелепо и даже глуповато. Не щадил он в своих рассказах даже тех, кого как будто считал друзьями. Помню, мне даже пришлось однажды «выяснять отношения» с деканом филологического факультета Е.А. Корниловым из-за совершенно превратно

переданного Сашей нашего с ним частного разговора. Саша иронизировал и по поводу научных достижений Я.А. Перехова. Когда Яков Абрамович решил стать профессором, то поделился, как мне рассказывал Саша, своими сомнениями: утвердят ли его в профессорском звании, поскольку монография небольшая, менее ста страниц... «И я посоветовал Яше Перехову пустить виньетки по верху и низу каждой страницы. И монография уже потянет на профессорскую», – со смехом мне рассказывал Люксембург-младший. Не знаю, не «присочинил» ли кое-что Саша, но в книге Якова Абрамовича о донском казачестве «полоски-виньетки» на каждой странице есть... Есть у Якова Абрамовича и профессорское звание.

Хронологически забегая вперед, скажу, что и позже, на рубеже 1990-х – 2000-х гг., мы нередко, но уже в стенах университета, дружески общались с Яковом Абрамовичем. И наша кафедра истории древнего мира и средних веков, возглавляемая В.Е. Максименко, и бывшая кафедра истории КПСС (во главе с Я.А. Переховым, а затем – Г.Н. Сердюковым) любили и умели широко отмечать различные праздники, особенно – Новый год и День 8 Марта. Тогда, в компаниях и застольях, стирались различия между нашими научными и мировоззренческими установками... В другие дни они давали о себе знать. Помню, в конце 2000-х гг. Яков Абрамович, встретив меня в сентябре в коридоре главного корпуса РГУ, стал рассказывать о своей поездке в Украину, о том, что побывал в местах, где во время немецкой оккупации погибли его близкие родные. Я выразил ему самое искреннее сочувствие. По случайному совпадению незадолго до этого я узнал о трагической гибели своих родных. Будучи в Киеве, увидел и приобрел книгу Л.М. Абраменко «Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы», где помещены списки участников «белого» движения, вероломно расстрелянных большевиками, и там я нашел имя младшего брата моей бабушки. Примерно в это же время я узнал, что двоюродный брат бабушки (Владимир Алексеевич Троицкий, в монашестве Иларион) погиб после репрессий в тюремной больнице в 1920-е гг., а ныне причислен Русской православной церковью к лику священномучеников (ныне в одном из соборов Старочеркаска его огромный иконописный портрет). Всего большевистские власти загубили жизнь пяти братьев Троицких – двух родных и трех двоюродных братьев моей бабушки – это ли не геноцид, или, если угодно, то социцид! И вот после моего рассказа о столь печальной судьбе моих, пусть даже не столь близких, родных Я.А. Перехов, словно на лекции по истории КПСС, мне объясняет: «Слава, это вполне естественно – гражданская война, классовая борьба... Что Вы хотите, без жертв не бывает...». Хотелось мне сказать, что многие немцы называют события 1930-х гг. тоже «революцией», только – «национальной», а большевистские расправы без суда и следствия мало чем отличаются от жуткого Холокоста. Но я воздержался от дальнейшего обсуждения.

---

¹ Немировский Александр Иосифович (1919–2007) – историк-антиковед, писатель, поэт. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ, с 1938 г. одновременно учился в Литературном институте. Участник Великой Отечественной войны. После войны окончил аспирантуру МГУ. Своими учителями

считал В.С. Сергеева и Н.А. Машкина. Работал в Пензенском пединституте, а с 1957 г. в течение 20 лет – в Воронежском университете, где в 1968 г. основал кафедру истории древнего мира и древних языков. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию по истории и культуре раннего Рима. С 1977 г. жил в Москве. Издал более 50 книг – исторические монографии, научно-популярные книги по античной истории, учебные пособия, а также исторические романы и поэтические сборники. Общий тираж его книг превышает 6 млн экземпляров.

² Долинский Даниил Маркович (1925–2009) – поэт, переводчик, журналист. Участник Великой Отечественной войны. После ее окончания был военным журналистом. Позже – редактором многотиражной газеты Ростсельмаша. В 1956 г. в Ростиздате вышла первая книга его стихов. С 1960 г. – член Союза писателей СССР. Всего опубликовал более 30 поэтических сборников. Переводил стихи поэтов Калмыкии и Северного Кавказа.

³ Григорьян Леонид Григорьевич (1929–2010) – поэт и переводчик. Его отец был репрессирован в 1937 г. В 1953 г. Л.Г. Григорьян окончил романо-германское отделение историко-филологического факультета РГУ. Многие годы преподавал латынь в Ростовском медицинском институте. Рекомендации для его вступления в Союз писателей СССР дали Фазиль Искандер, Давид Самойлов и Арсений Тарковский. Автор 17 поэтических книг, а также многочисленных переводов армянской поэзии и французской прозы. После кончины В.П. Биргера посвятил его памяти одно из своих стихотворений.

⁴ Покровский Николай Николаевич (1930–2013) – российский историк, сын профессора РГУ Н.И. Покровского. Окончил исторический факультет МГУ в 1952 г. Ученик академика М.Н. Тихомирова. Кандидат исторических наук (с 1955 г.). В августе 1957 г. арестован по т.н. университетскому делу. Приговорен к 6 годам заключения. Освобожден в августе 1963 г. Приговор отменен в 1989 г. С 1965 г. жил в Новосибирске. Доктор исторических наук (с 1974 г.). Профессор (с 1977 г.). Член-корреспондент АН СССР (с 1987 г.). Академик РАН (с 1992 г.). Автор многочисленных трудов по истории России, преимущественно – эпохи позднего Средневековья и Нового времени, по проблемам источниковедения и археографии. Основатель сибирской археографической школы.

⁵ Яковлев Егор Владимирович (1930–2005) – журналист, писатель. Родился в семье чекиста. После окончания Московского историко-архивного института работал в различных газетах (с 1956 г.). В 1967 г. основал журнал «Журналист». В 1986 г. возглавил редакцию «Московских новостей». При нем газета стала одним из ведущих либерально-демократических изданий эпохи «перестройки». В январе 1991 г. вышел из КПСС. В конце 1991 г. несколько месяцев возглавлял Всесоюзную гостелерадиокомпанию, а с конца декабря 1991 г. до ноября 1992 г. – Российскую гостелерадиокомпанию «Останкино». В 1993–2002 гг. издавал «Общую газету». Его сын Владимир Яковлев основал издательский дом «Коммерсантъ».

⁶ Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС существовал в 1952–1990 гг. Это было специальное ведомство внутрипартийного контроля судебно-следственного характера. В отличие от прежней Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б), состав КПК не избирался на партийных съездах, а утверждался ЦК КПСС. В 1952–1954 гг. КПК возглавлял М.Ф. Шкирятов, затем два года должность руководителя КПК оставалась вакантной, а с 1956 г. по 1966 г. КПК возглавлял Н.М. Шверник.

⁷ Манфред Альберт Захарович (1906–1976) – советский историк. Родился в семье адвоката. Племянник (со стороны матери) знаменитого русского художника Л.С. Бакста. В детстве учился в гимназии Нечаева и Тенишевском училище в Петрограде. В годы Гражданской войны семья бедствовала. Будучи блестяще образованным человеком, А.З. Манфред не имел формального высшего образования. Тем не менее он смог поступить в аспирантуру РАНИОН, где его учителями были академики В.П. Волгин и Н.М. Лукин. В 1930-е гг. работал в ряде педагогических институтов. В 1938 г. А.З. Манфред был арестован, но примерно два года спустя освобожден «за отсутствием состава преступления». В 1950 г. защитил докторскую диссертацию о внешней политике Франции в 1871–1891 гг. Автор многочисленных исследований по новой истории Франции. Его книги «Наполеон Бонапарт» (1971) и «Три портрета эпохи Великой французской революции» (1977) стали бестселлерами.

⁸ Ревуненков Владимир Георгиевич (1911–2004) – российский историк. В 1929 г. по комсомольскому набору поступил в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. В 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию «Политический кризис 1862 г. в Пруссии». С 1940 г. – на политической и преподавательской работе в Красной Армии. В 1951 г. защитил докторскую диссертацию о «польском вопросе» в 1850-е–1860-е гг. С 1957 г. по 1990 г. заведовал кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета Ленинградского университета. С 1960-х гг. на протяжении нескольких десятилетий главным предметом исследований В.Г. Ревуненкова являлась история Франции конца XVIII–начала XIX в.